

Помня о слепоте Вэнь Цзюэ, Цзян Чуан уложил его с краю кровати, а у изголовья велел поставить небольшой деревянный столик со всеми необходимыми вещами, которые могли понадобиться юноше ночью.

Чтобы тот случайно не поранился об острые углы тумбочки, Цзян Чуан заботливо накрыл ее плотным шелком, прижав края чайным сервизом.

К столбикам кровати он привязал две подвески из бусин, соорудив подобие «ветряных колокольчиков». Малейший шорох от их соприкосновения тут же разбудил бы генерала.

Закончив приготовления, Цзян Чуан с улыбкой взглянул на приподнявшегося Вэнь Цзюэ, который внимательно прислушивался к каждому шороху:

— Завтра мы прогуляемся по городу и выберем красивый ветряной колокольчик с приятным перезвоном. Стоит мне его услышать, и я сразу пойму, что ты меня зовешь.

— Отныне ложись с краю – так тебе будет удобнее вставать по ночам или спозаранку, — обустроив все, Цзян Чуан расставил разбросанные сапоги, взял руку супруга и провел его по краю ложа. — ...Обувь я поставил здесь, прямо там, где ты будешь опускать ноги.

В резиденции генерала ничего не было готово к приезду Вэнь Цзюэ: сам Цзян Чуан бывал здесь редко, а женитьба Вэнь Цзюэ в корне отличалась от свадеб прочих наследников престола. Скупой император даже не удосужился выстроить для сына собственное поместье.

Свадьбу сыграли спешно, менее чем через месяц после указа, словно государь безумно боялся, что Цзян Чуан сбежит.

Тогда Цзян Чуан был настолько раздосадован, что и думать не желал о благоустройстве дома для будущего супруга.

Вэнь Цзюэ и сам готовился к холодному приему и бесконечной стене отчуждения. Не от хорошей жизни он пошел на столь отчаянный шаг – породить в душе мужа чувство вины, дабы в будущем у них появился шанс сблизиться.

В первую половину ночи Вэнь Цзюэ терпел невыносимую боль. Пусть позже волны блаженства и притупили страдания, сейчас его измученное тело продолжало нещадно ныть.

Всё это укладывалось в его расчёты. В конце концов, Цзян Чуан был воином, лишившимся рассудка из-за зелья. Его грубость ещё можно было стерпеть.

Но нынешняя забота Цзян Чуана превзошла самые смелые ожидания. Вэнь Цзюэ совершенно растерялся. Он умел просчитывать любые интриги, но постичь глубины человеческого сердца ему было не под силу, и это ставило его в тупик.

Обладая поразительно тонким слухом, он привык определять искренность чувств собеседника по малейшим заминкам в речи, силе голоса и дыханию.

Он слышал, как Цзян Чуан полночи хлопотал ради него, стараясь предусмотреть любую мелочь.

Слышал, как ласково и тихо тот говорил с ним.

Обычно резкий, не знающий приличий грубиян, который на дворцовых аудиенциях затыкал за

пояс напыщенных книжников одной фразой...

... тот, кого за глаза величали безмозглым воякой, способным одним своим грозным видом до полусмерти напугать ребенка, сейчас был совсем не похож на себя прежнего. И этот новый Цзян Чуан невероятно нравился Вэнь Цзюэ.

— Ну все, ложись спать. Иначе и опомниться не успеем, как рассветет, — Цзян Чуан бережно уложил его на подушку.

Вэнь Цзюэ повернул голову туда, откуда доносился голос, ощутил теплое дыхание Цзян Чуана и слабо улыбнулся:

— Хорошо.

В следующую секунду Цзян Чуан ласково притянул его к себе и поцеловал в ушко. Вэнь Цзюэ на мгновение замер, а затем в полумраке робко накрыл его руку своей ладонью.

Цзян Чуан сам не заметил, как заснул. Лишь на рассвете сквозь дремоту до него донесся тихий голос супруга:

— Супруг, просыпайся.

— ...Цзян Чуан...

— ...Нам пора во дворец, отдать дань благодарности императору. Проснись.

Цзян Чуан резко распахнул глаза и, увидев сидевшего рядом юношу, с неистовой силой прижал его к груди, словно не веря собственному счастью.

— Нам нужно умыться и одеться, — бурная реакция Цзян Чуана показалась Вэнь Цзюэ странной, и он слегка похлопал мужа по спине.

Цзян Чуан поспал совсем немного, но ему казалось, будто он блуждал в бесконечно долгом сновидении. Ему на миг почудилось, что его возвращение на пять лет назад – лишь сладостная иллюзия.

А когда он проснется, то снова окажется бесприютным призраком, запертым на дне ущелья.

К счастью, призракам не снятся сны. Он действительно вернулся в прошлое!

Вэнь Цзюэ уловил его прерывистое, тяжелое дыхание. Сердце Цзян Чуана бешено колотилось, в его душе бушевала какая-то неизбывная скорбь. Это не походило на злость из-за нежеланной женитьбы – напротив, он будто дорожил им больше жизни.

Почему так? Голову Вэнь Цзюэ роем осаждали вопросы, но он смолчал.

Когда Цзян Чуан наконец совладал со своими чувствами, он заметил, что свечи в комнате уже зажжены, а за окном занимается бледный рассвет.

Выпустив супруга из объятий, он хотел было что-то сказать, но осекся. Вэнь Цзюэ сидел на краю постели. Его длинные черные волосы были аккуратно причесаны, нательное белье сменилось на чистое, а от самого юноши исходил легкий древесный аромат.

Брови казались чуть темнее, щеки тронул едва заметный румянец, у уголка глаза «выросла»

крошечная родинка, да и губы выглядели ярче.

— Почему ты поднялся в такую рань? Плохо спалось? — встревожился Цзян Чуан. — ...Тело все еще болит?

— Нет, я и сам только что проснулся, — Вэнь Цзюэ слегка склонил голову и спокойно покачал ею. — ...Мой верный слуга побоялся, что мы пропустим назначенное время, и разбудил меня.

Цзян Чуан скептически приподнял бровь. Только проснулся? Кого он пытается обмануть?

Теперь он не был тем слепым и невнимательным грубияном из прошлой жизни. Ночью, пока Вэнь Цзюэ спал, Цзян Чуан подолгу рассматривал каждую черточку его лица, желая навечно запечатлеть этот образ в памяти.

И сейчас любые, даже самые незначительные изменения в облике супруга были видны ему как на ладони.

Это заставило его вспомнить один эпизод из их совместного бегства в прошлой жизни. Тогда изнуренный погоней Вэнь Цзюэ, будучи в глубоком унынии, закрыл ладонью глаза Цзян Чуана, не позволяя на себя смотреть.

«Великому генералу Цзяну не стоит смотреть на меня. Я сейчас, должно быть, выгляжу жалко и убого. Обуза и слепец... Лишившись Чаннина, я даже не способен умыться и привести себя в порядок».

Чаннин был личным слугой Вэнь Цзюэ. Когда принца схватили, верный слуга пожертвовал жизнью, чтобы защитить хозяина.

Цзян Чуан тогда искренне не понимал: «Мы спасаем свои шкуры, какая разница, чистый ты или нет? Мы даже не знаем, доживем ли до завтра, а ты переживаешь о пустяках».

Вэнь Цзюэ тихо, с показным равнодушием ответил: «Для великого генерала Цзяна во мне ценна лишь эта смазливая оболочка. Я лишь не хочу разрушить свой образ в твоих глазах. Разве я прошу о многом?»

Цзян Чуан тогда лишился дара речи... Неужели его похоть была настолько очевидной?

Но винить его в этом не стоило! Вэнь Цзюэ то и дело умышленно искушал его, так что наедине они и двух слов не могли связать без того, чтобы все не свелось к страсти.

Чего Вэнь Цзюэ действительно не понимал, так это того, что в своей слабости и неприкаянности он казался еще более притягательным и желанным.

Цзян Чуан тогда долго молчал. Ему хотелось успокоить любимого, объяснить, что внешность — далеко не самое главное...

Но на тот момент они еще официально не помирились. Он бросился вызволять Вэнь Цзюэ лишь по велению совести, вовсе не собираясь прощать его за прошлые грехи!

Разумеется, спустя пару дней он горько пожалел о том, что упрямылся и не простил его раньше. Увы, было уже слишком поздно.

Тогда нежные слова не шли с его языка, но и выносить тоску во взоре Вэнь Цзюэ он не мог. Генерал просто убрал его руки от своего лица, отвел к реке и оторвал кусок чистой ткани от

своей одежды.

Смочив лоскут в прохладной речной воде, он бережно омыл лицо и руки Вэнь Цзюэ...

Вэнь Цзюэ тихо поблагодарил его. Наощупь распутав растрепавшиеся волосы, он попросил Цзян Чуана отвернуться и лишь тогда со всеми предосторожностями обтер тело.

Тщательно смыв дорожную пыль и расчесав пальцами длинные пряди, он собрал их в узел и наконец облегченно вздохнул.

А затем вдруг тоскливо прошептал: «Будь жив Чаннин, он разжег бы костер и угольком подкрасил мне брови».

Лишь когда тот закончил, Цзян Чуан обернулся. Хоть они и были супругами, вели себя друг с другом прохладно и отчужденно, словно чужие люди.

Заметив покрасневшие веки Вэнь Цзюэ, Цзян Чуан понял, что тот оплакивает погибшего слугу, но нужные слова никак не шли на ум.

Разглядывая безмолвного юношу, он впервые увидел его истинное лицо – без единой капли белил и сурьмы.

Без всяких прикрас и напускного лоска Вэнь Цзюэ казался совершенно другим человеком.

Перед ним стоял простой, чистый и беззащитный юноша, и сердце генерала невольно таяло от нежности.

И вот теперь Вэнь Цзюэ, ожидающий его пробуждения в постели, снова нацепил свою маску: аккуратно напудрил лицо, подкрасил брови – нанес едва заметный, искусный грим.

Цзян Чуан наконец отчетливо разглядел эту уловку, и его сердце сжалось от боли. В прошлой жизни после свадьбы он изо дня в день созерцал именно этот тщательно выверенный образ.

Оказывается, Вэнь Цзюэ всегда чувствовал себя скованно рядом с ним, полагая, будто мужа интересуется лишь его красивая обертка.

Или же он считал смазливое лицо своим единственным достоинством и изо всех сил старался сохранить эту безупречность, чтобы хоть как-то удерживать интерес генерала.

К счастью, получив второй шанс, Цзян Чуан сумел разгадать эти трогательные ухищрения.

— Ничего страшного... — Цзян Чуан с улыбкой подался вперед и запечатлел нежный поцелуй на его губах. — ...Чем я заслужил супруга столь божественной красоты?

И действительно, на губах Вэнь Цзюэ расцвела кроткая улыбка.

Со временем он непременно, шаг за шагом, заставит Вэнь Цзюэ сбросить все его маски.